Научная статья
УДК 94(47).084.8:365
doi: 10.17223/19988613/76/4

Между Бессарабией и Подолем: Лядовский монастырь на Днестре как историко-культурный ландшафт и средоточие политических традиций (взгляд антрополога)

Виктор Мирославович Мельник^{1,2}

¹ Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина

² Винницкий национальный медицинский университет им. Николая Пирогова, Винница, Украина

^{1,2} melnyk1996ethnology@gmail.com

Аннотация. Проводится политико-антропологическое исследование локального культурного ландшафта – Лядовского мужского монастыря, расположенного в центре Днестровского каньона, на стыке Винницкой области Украины и Молдовы. Пользуясь стандартной историко-географической методикой, автор характеризует этническую и социально-политическую эволюцию местности, выделяет узловые моменты лядовской истории. Особенное внимание уделено «византийскому духу» и «Лядовской ярмарке» как социальным рудиментам современности. Классифицируется три типа локального сознания и культурной идентичности, базирующихся на соответствующих идейно-политических традициях: 1) украинское национальное сознание; 2) православно-византийское сознание; 3) бессарабское молдавское сознание.

Ключевые слова: Лядовский мужской монастырь, политическая антропология, культурный ландшафт, Византия, политико-антропологическая характеристика местности

Для цитирования: Мельник В.М. Между Бессарабией и Подолем: Лядовский монастырь на Днестре как историко-культурный ландшафт и средоточие политических традиций (взгляд антрополога) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 31–37. doi: 10.17223/19988613/76/4

Original article

Between Bessarabia and Podolia: Ladawa monastery on the Dniester as a historical and cultural landscape and a center of political traditions (anthropologist's view)

Viktor M. Melnyk¹

¹ Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine

² Ukraine National Pirogov Memorial Medical University, Vinnytsya, Ukraine

^{1,2} melnyk1996ethnology@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the key issues of political and anthropological characteristics of the local cultural landscape. Historiographical basis of article consists of works of great Ukrainian and Russian historian Volodymyr Antonovych and the entire list of modern Ukrainian works about the Ladawa monastery. Most of the facts described in folklore legends were verified by the author personally during his trips along the Dniester canyon and during his interaction with the monks in Ladawa. The matter of the work is to establish a correlation between geographical location and socio-psychological perception of a separate historically significant locality in the context of political anthropology. Political anthropology is considered as the study of the ideological forms of traditional political structure of society in the historical process. The concept of «political and anthropological approach» is used by the author in the connotation proposed by sociologist Georges Balandier. Also, the main term of this discipline (political anthropology) is «political tradition». The article explores transformation and existence of various forms of political traditions of the monastic community, based on the materials of the historical relationship between the location of the monastery and the perception of this location by citizens of the surrounding area. For the first time it was proposed to integrate the historical-geographical and political-anthropological approaches to obtain complete information on the symbolic meaning and cultural-psychological status of the area. The center of attention is Lyadawa male Orthodox monastery on the Dniester River. This fortification complex is located in a unique rocky gorge, on the contemporary border of Ukraine and the Republic of Moldova. The first written reference to the monastery dates back to 1159 and connected with the ethno-cultural contacts between Kievan Rus', Byzantine Empire and the Turkic-speaking Kumanian-Polovtsian tribes. During the Middle Ages, the Dniester played the role of civilization's border, which makes the history of the monastery in Ladawa an illustrative example for the study of interstate and international contacts. The first written reference to the village Ladawa dates back to 1388. It is associated with the transition of Dniester under the political power of the Grand

Duchy of Lithuania. Subsequently, the territory of the monastery became a shelter for runaway peasants and Cossack regiments. During the period of Turkish rule in Podolia (1672-1699), the monastery was saved from desecration only because of its advantageous geographical location. This fact is reflected in folklore and Ukrainian folk legends. In the 19th century there was a big fair. Within Ladawa fair framework, active cultural contacts were established between Russian Old Believers, Bessarabian Moldovans and Podolian Ukrainians. The author identifies three traditional forms of the Ladawa monastic consciousness: 1) Orthodox-Byzantine; 2) Ukrainian national; 3) Bessarabian Moldavian.

Keywords: Ladawa Monastery, Political Anthropology, Cultural Landscape, Byzantine Empire, Political and Anthropological Characteristics of the Cultural Landscape

For citation: Melnyk V.M. (2022) Between Bessarabia and Podolia: Ladawa monastery on the Dniester as a historical and cultural landscape and as a center of political traditions (anthropologist's view). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 31–37. doi: 10.17223/19988613/76/4

Усекновенский скальный Иоанно-Предтеченский мужской монастырь расположен на живописном берегу реки Днестр – в эпицентре глубокого каньона. Он находится на украинской территории, в 300 м от государственной границы с Республикой Молдовой, на вершине 90-метровой скалы (под юрисдикцией близлежащего Яршевского сельского совета Могилев-Подольского района Винницкой области) [1. С. 130–135]. Днестровский каньон протяженностью 250 км охватывает границы шести этногеографических регионов – Подолии, Бессарабии, Буковины, Западной (Галицкой) Подолии и Галиции.

В предлагаемой статье мы попробуем сконцентрироваться вокруг *политико-антропологической характеристики* этого замечательного *объекта культурного наследия*. Предлагаем использовать всего три подхода для анализа: 1) частота сменяемости социально-культурных групп на одном культурном ландшафте в прошлом и настоящем; 2) наличие социально-культурной символики минувших времен в современном географическом описании и психологическом восприятии ландшафта; 3) доминантные политические традиции локального региона, их генезис. Эти три стандарта, взятые из распространенной методики *Human Geography*, приведут нас к описанию одной отдельно взятой сакральной местности с точки зрения политической антропологии.

Политическая антропология исследует идейные и идеологические особенности развития традиционных форм политического устройства в историческом процессе [2]. Приспосабливая научный аппарат и подход политантропологии к историко-культурной характеристике Лядовского монастыря (отдельного культурного ландшафта с позиций современной географии человека), мы следуем теоретическому указанию французского социолога и основателя политической антропологии Жоржа Баланжье (1920–2016): «...политическая антропология ищет качества, общие для всего исторического и географического многообразия политических типов организации» [3. С. 13].

1-й аспект методики: *Какие исторические социальные группы участвовали в формировании облика ландшафта? Как они сменяли друг друга?*

Древний период. Исследования истории Лядовского монастыря не выходят за рамки его монашеской жизни [4. С. 10–30]. Учитывая, что монастырь расположен в исключительно удобном месте для обороны, на 90-метровой скалистой террасе над рекой, можно

предположить, что история месторасположения имеет гораздо более древние корни [5. С. 1]. Река всегда притягивала людей. Большинство неолитических поселений, расположенных в рамках Днестровского каньона (преимущественно принадлежащих культуре Кукутени–Триполье), являются именно скоплениями жилищ у берега реки [6]; их присутствие обнаружено археологами [7]. Охотники и энеолитические земледельцы использовали выгоды географического расположения: вода обеспечивала организацию ведения хозяйства, а скалистая местность не подпускала близко вражеские племена и опасных животных [8. С. 76–77]. Допускается, что пещеры, ставшие позже монастырскими кельями, вначале использовались первобытными земледельцами в оборонительных целях [9. С. 86–90].

Позже Днестровский каньон окружили племена ираноязычных кочевников (скифов, сарматов), чьи активные контакты с древними греками [10. С. 13–15] позволили античным авторам обозначить условное течение Днестра – реки Тирас [11. С. 28–40].

Днестр попал в самую гущу Великого переселения народов (III–VII вв.). Первоначально для Днестровского бассейна большую роль играла близость Римской империи. Однако когда в 271 г. н.э. римляне оставили провинцию Дакия на милость германцам-готам, Днестр стал зоной межэтнических контактов гетто-дакийцев и германцев [12. С. 24].

Средние века. Предание относит создание Лядовского монастыря к 1013 г. и называет его основателем Св. Антония Печерского (983–1073) [7. С. 101]. Монахи до сих пор рассказывают, что будущий основатель Киево-Печерской лавры обустроил первые кельи, возвращаясь из Константинополя и Афона. Существуют «Антониевы» келья и источник – их принято связывать с именем святого [13. С. 343–345]. Согласно исследованиям А.В. Сварчевского, монашеские поселения на землях Днестровского каньона (в широком смысле) должны были появиться еще в 500–600-х гг. [14]. Тогда эту территорию контролировало славянское племя уличей [15. С. 9].

В эпоху налаживания *русско-византийских политических контактов* (860–989) лядовское нагорье замечательно подходило для таможенного контроля и посольского отдыха. Окружающую степь контролировали тюрки-кочевники, а Подунавье слишком часто поддавалось грабежам и военному разорению. Для дипломатических миссий наилучшим образом подходило Среднее Поднестровье [16. С. 126–128]. Впрочем,

первое летописное упоминание о монастыре относится к 1159 г. и связано с галицким князем Иваном Берладником (ок. 1112–1162). В 1158–1159 гг. Иван Берладник правил собственным княжеством в Подунавье. Его поддерживали половцы и так называемые «берладники» (возможно, беглецы с киевских земель или наследники поднестровских, в том числе «каньонных», уличей). Упомянутый князь, действуя в бассейнах Дуная и Днестра, установил отношения с Константинополем. К слову, смерть застала князя в древнейшем греко-византийском городе Фессалоники [17, 18].

Первое упоминание о близлежащей Лядовой (в польских документах *Ladawa*) относится к 1388 г. [19. С. 97–101]. Тогда земли Среднего Поднестровья (со стороны современной Винницкой области) были контролируемы литовцами [20. С. 51–52]. Следуя федеративным тенденциям литовского устройства, великие князья действовали по принципу «разделяй и властвуй». Благодаря ему они и дошли к устью Дуная и Черному морю. На территории современных Винницкой, Черкасской, Кропивницкой и отчасти Хмельницкой областей было создано «Подольское княжество», возглавленное Кориатовичами (представителями старинного киевско-русского рода) [15. С. 23–25].

Функционирование торгового пути «из варяг в греки» продолжалось. Позднесредневековый Днестр вновь получил ряд преимуществ. Его среднее течение находилось в меньшей доступности для хищной татарской конницы. Общие исторические процессы в Восточной Европе привели к умиротворению кочевников, контролировавших валашские и болгарские земли, а также к временному возрождению *византийских культурно-исторических* сил во времена династии Палеологов (1258–1453). Археологические находки (особенно монеты) ясно говорят о мощном византийском экономическом влиянии: сначала на общность «берладников», а потом и на Подольское княжество. В эпоху монетизации экономической жизни XII–XVI вв. главной валютной среднего Поднестровья оставался византийский солид (*нумисма*) [21. С. 16].

Падение Константинополя 29 мая 1453 г. явилось фактором обнищания бассейнов Дуная и Днестра. Впрочем, турецкая экспансия открыла путь к политической институционализации валашских княжеств. Смешанное славяно-валашко-тюркское население (потомки дакийских ромеев и киевских «берладников?»), оказавшееся к югу и юго-западу от Днестра, оказалось заложником геополитического противостояния между католической Польшей и султанской Портой [Там же. С. 16–19]. В 1387 г. Молдавская (литовско-польское название Молдавского княжества) признала польского короля сюзереном.

Лядовский монастырь после ликвидации Подольского княжества в 1394 г. оставался частью Литвы и только в 1569 г. перешел под польскую юрисдикцию [14].

Новое время. В 1648 г. Подолия была охвачена казаческим восстанием [15. С. 52–55]. Монахи монастыря активно помогали так называемым «резунам» (*rizuny*), уничтожавшим отступающих поляков и евреев. Предок великого писателя Николая Гоголя Остафий Гоголь

(ум. в 1679 г.) возглавил Могилев-Подольский полк. В 1649 г. игумен Лядовского монастыря Павел и иеромонах Никифор возглавили первое посольство Богдана Хмельницкого к московскому царю Алексею Михайловичу.

Впрочем, конец Хмельниччины ознаменовался началом длительной Руины. В феврале 1660 г. краковский воевода Станислав Ревера Потоцкий (1579–1667) атаковал полк Остафия Гоголя. Несколько недель длилась осада Могилева-Подольского, в ходе которой казаками Гоголя использовались окрестные каньонные местности для налаживания связи с промосковскими силами правобережного гетмана Михаила Ханенка (1669–1674). В итоге именно днестровский каньон стал местом дислокации московского полка боярина Григория Козловского (1647–1701), нанесшего полякам поражение.

Между 1672 и 1699 гг., по соглашению с Польшей, Подолье оккупировала Османская империя [22. С. 256–257]. В числе других христианских храмов турки закрыли Лядовский монастырь. Однако, в отличие от главных каменных культовых сооружений региона (церквей и костелов), османы не обратили монастырь в мечеть из-за малой доступности. Таким образом, географические условия расположения спасли монастырь православных христиан от «осквернения». Это простое утверждение, по нашему мнению, – яркая иллюстрация роли географического фактора в культурной истории общества.

В 1702–1703 гг. Лядовский монастырь вновь оказался на польской территории, но теперь уже как духовный греко-католический (униатский) центр василиан. В 1745 г. монастырь закрылся на фоне общего религиозного накала в Речи Посполитой, спровоцировавшего активизацию вооруженной антипольской борьбы крестьян и гайдамаков. В 1768 г. Днестровский каньон станет местом дислокации казачьих отрядов гайдамаков. Территория скального монастыря использовалась ими в качестве базы для налетов. Опять же, выгодным преимуществом Лядовского монастыря следует считать возможность конспиративного общения с запорожцами посредством длинных ходов днестровского каньона [19].

Время модерна. Могилевщина была передана Польшей Российской империи в 1795 г. С этого момента начинается возрождение православной культуры и соответствующей символики в Лядове. Расцвет монастыря приходится на 1830–1917 гг.

С 1845 г. Лядово усилиями монахов Григория Янковского и Владимира Стефановского начинает обретать образовательную и экономическую инфраструктуру. Организовывались ежегодные монастырские ярмарки, во многом способствовавшие единству между бессарабскими славянами и подольскими украинцами. Ярмарка выполняла важную роль в транспортировке частнособственнической продукции бессарабских крестьян на украинские рынки [4].

К 1900 г. монастырь состоял из четырех церквей – трех пещерных (Иоанна Предтечи, Параскевы Пятницы, Антония Печерского) и одной приходской (св. Николая). Кроме культурно-религиозной функции, руковод-

ство монастыря уделяло значительное внимание транспортному значению деревни. Могилевщина воспринималась многими украинцами как «ворота в Бессарабию» (место заработка для безземельных крестьян).

Война 1914–1918 гг. и революционные события активизировали контрабандистскую деятельность. После того как Румыния захватила Бессарабию в 1918 г., новая граница стала «золотым дном» для местных крестьян. Именно под предлогом борьбы с «контрабандой» в 1938 г. церкви были уничтожены большевиками. Большая часть неизученной библиотеки и редких икон исчезла. Под монастырем была возведена линия обороны. Интересно, что руководил подрывом монастыря Дмитрий Карбышев (1880–1945). По словам монахов, от взрыва колокол церкви Иоанна Предтечи оказался в Днестре. В 1941–1944 гг. Лядова находилась в составе так называемого *Губернаторства Транснистрии* (румынского оккупационного региона). Этим были обусловлены менее низкая интенсивность ведения боевых действий и выживание старообрядческих общин. Еще в середине XVIII в. на территории Среднего Поднестровья активно расселялись группы старообрядцев-липован. Их миграция длилась более века и окончилась компактным расселением в украинской этнической среде Подолии, Бессарабии и Буковины (1760–1780-е гг.) [4].

Археологические исследования выдающегося украинского историка Владимира Антоновича (1834–1908) [9] позволяют установить некоторую преемственность социально-исторического развития монастыря: буго-днестровская общность, трипольцы, даки, германцы-готы (сегодня таковыми считаются черняховцы) и, наконец, славяне. Особый вклад в историческую географию местности внесен скифами и сарматами, готами и гуннами, угрозязычными мадьярами и латиноязычными валахами, печенегами и половцами. Но все же определяющими для зарождения, развития и выживания Лядовского монастыря всегда оставались русско-византийская дипломатия и взаимные экономические контакты. Стиль и дух древних построек Лядовского монастыря отчетливо выдает здесь византийский культурный форпост.

2-й аспект методики: *Определение социальных рудиментов прошлого в современном культурном ландшафте.*

Лядовский монастырь был восстановлен в 1998 г. группой почаевских монахов. Его воссоздание получило мощную поддержку со стороны Украинской Православной Церкви [1. С. 137–139].

Культурный ландшафт Лядовского монастыря состоит из нескольких важных элементов. Во-первых, монастырь построен по византийскому образцу, что создает ощущение византийского духа. Во-вторых, для локального культурного ландшафта важно паломничество. Во взаимодействии монахов и паломников рождается современная социальная структура монастыря [5].

Духовное влияние Византии чувствуется до сих пор благодаря культу иконы Божьей Матери «Отрада и Утеха», подаренной игуменом Святой обители Ватопедской на Афоне. Легенда, связанная с иконой, относится к 807 г., когда Святая гора подверглась болгарскому штурму [23]. Сегодня этот образ является

самым значительным в лядовском иконостасе. Он служит неразрывной точкой интеракции «монастырь–паломник» [13].

В смысле «социального рудимента», активно поддающегося реставрации, может рассматриваться *Лядовская ярмарка*, восстановленная в селе после возрождения монастыря. Она прямо объявляется преемницей ярмарки XIX в. и призвана «улучшить» общение между жителями молдавского и украинского Поднестровья.

3-й аспект методики: *Ландшафт как смысл и символ: какие три политико-традиционные мировосприятия доминируют в социальном сознании монастырского округа?*

Мировосприятие первое – православно-византийское. Современный ландшафт Лядовского монастыря – строительный ландшафт. Начиная с 1998 г. монахами много сделано для обустройства территории. Один журналист написал: «Неудивительно, что действующий монастырь напоминает, скорее, строительную площадку, где легче встретить рабочих, а не монахов» [5. С. 1]. Построен новый корпус, восстановлены некоторые помещения и древние пещеры, открыт паломнический отель, возведены смотровая площадка и колокольня. Для монахов очень важно, что новый колокол привезен в Лядову именно из Москвы.

Для мировоззрения монахов-строителей и паломников большое значение имеют артефакты, связанные со Святым Антонием. В частности, монахам «удалось» локализовать «келью» Антония, местоположение которой действительно носит признаки глубокой древности. Насельники обители рассказывают, что келья сохраняет неизменный внутренний вид с византийских времен. Таким образом, для монашеского мировоззрения и пространственной мифологии первоочередную роль играет «**Византия**» как источник древнерусского православия. *Агиографическое путешествие Святого Антония в Константинополь, на Афон и обратно в Киев является основой всех легенд и преданий, связанных с началами Лядовского монастыря. Все вещи, несущие отпечаток древности, принято почтительно называть Антониевыми.* Касается это и такого важного географического образа местности, как «Антониев источник». По преданию, бытующему и в самом селе Лядова, на монастырской горе расположен целебный ключ. Стараниями монахов здесь воссоздана купальня, собирающая ключевую воду [13. С. 343-347; 24].

Мировосприятие второе – украинское национальное. «Антониев источник» очень важен для народного воображения, поскольку вопрос воды исторически главенствующий. Все и всегда поселялись возле рек, озер, источников, независимо от доминирующей формы ведения хозяйства (взять хотя бы соотношение земледельцев и кочевников). Расположение Лядовского монастыря позволяет выдвигать гипотезы о существовании здесь городища. Археология демонстрирует следы компактного обитания различных исторических племен даже в условиях полного земледельческого запустения степи, окружающей Поднестровье [25. С. 114]. Следовательно, «Антониев источник» является символом исторических условий, способствовавших устройству и демографическому развитию окружающей местности.

Присутствие трипольцев значительно расширяет временные рамки лядовской локальной истории, что явилось поводом для разнообразного историографического мифотворчества [6]. Если православное мировоззрение предполагает «*культурно-психологическую*» (!) *преемственность* между христианскими общинами готов или византийцев, Св. Антонием Печерским и современной Иоанно-Предтеченской монашеской общиной, то украинское национальное мировоззрение базируется на «*генетической*» (!) *преемственности* «трипольцев, скифов, антов, украинцев» [15. С. 10–11].

Лядовский монастырь с окружающими его археологическими находками представляется одним из важных центров формирования украинской локальной / региональной идентичности, поскольку здесь находилось древнее славянское городище. Соответствующие образы Поднестровья, важные для украинской национальной мифологии, красочно изложены в замечательной исторической трилогии Д. Мищенко.

Мировосприятие третье – бессарабское – экономическое. Для поднестровских жителей река является историческим кормильцем [26]. В этнической молдавской среде даже сегодня наблюдается сакрализации Днестровской торговли и регулирования границ.

Количество молдаван на украинской территории в последние годы заметно снижается. К примеру, численность молдаван в Винницкой области снизилась между переписями 1989 и 2001 гг. на 12,8%. Сегодня молдаване Винничины составляют лишь 1% всех молдаван Украины. Сосредоточены они преимущественно в сельской местности вдоль границы по Днестру (включая Могилев-Подольский район). Впрочем, с точки зрения политической антропологии группы сельских молдаван настроены очень *инструментально*. Их *идентичность изменяется в зависимости от политической конъюнктуры и местопребывания, что делает четкую характеристику невозможной*. Многие украинские молдаване на один и тот же вопрос о национальной принадлежности могут называть себя и молдаванами, и румынами, и русскими, и украинцами. С другой стороны, велик процент романизированных в прошлом славян среди так называемых украинских молдаван.

Лядовский монастырь для бессарабского мировоззрения интересен не столько своими древними артефактами, сколько социально-экономическими возможностями. В связи с этим возлагались надежды на Лядовскую ярмарку – вновь возрожденный символ XIX в. Однако не менее интересны радикальные «румынствующие» взгляды в молдавской среде на прошлое и настоящее Поднестровья. Во многом они ассоциируются с необходимостью румынской экспансии в Молдавии и апеллируют ко времени «Великой Румынии» 1941–1944 гг., оккупировавшей «Транснистрию».

Выводы. Избранный междисциплинарный путь, по нашему твердому убеждению, обогащает теоретическую политологию широким историческим и географическим полотном фактов. В то же время он позволяет исторической науке присмотреться к проблеме взаимодействия политического и климато-географического факторов в процессе эволюции различных форм социального сознания и коллективной идентичности.

Обобщая современные социально-психологические доминанты, подчеркнем: *для православного мировоззрения характерно уважительное отношение к византийской исторической роли, тогда как в украинском национальном мировоззрении выделяются «воспоминания» (мифологизированные) о конфронтации с греками («славные походы на Царьград» и т.д.)*. В то же время украинский национальный дискурс (распространенный преимущественно в среде *школьной интеллигенции* Могилев-Подольского района) трепетно относится к православной вере. Заметно, что и православное, и украинское национальное мировоззрение больше обращено к Средневековью, что, возможно, не только подтверждает их генетическую самобытность, но и сглаживает искусственно навязываемые некоторыми средствами массовой информации противоречия. Бессарабское мировоззрение фиксируется исключительно на подсознательном уровне, и это делает его гибким и лабильным для инструментальной смены идентичности. Впрочем, с точки зрения исторической этнологии, базируясь на собственном опыте эмпирического наблюдения, предполагаем дальнейшее широкое распространение похожего инструментализма в украинской национальной среде. Православно-византийское мировоззрение устойчивее и консервативнее.

Список источников

1. Кокряцкий С. Твердия духу подільського: з історії Лядовського скельного монастиря – до його 1000-ліття // Вінницький край. 2012. № 4. С. 130–139.
2. Мельник В.М. Теоретична конструкція політичної антропології // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. 2016. Вип. 113 (10). С. 348–360.
3. Баландь Ж. Політична антропология. Київ: Альтерпрес, 2002. 252 с.
4. Давиденко В.В. Монастир. Вінниця: О. Власюк, 2005. 254 с.
5. Мельник В.І. Ті, що у скалі сидять // Україна Молода. 2009. 13 сер. № 147.
6. Паламарчук С., Андрієвський І. Зорі Трипілья. Вінниця: Теза, 2007. 142 с.
7. Давиденко В.В. Вибір преподобного Антонія Печерського // Вінницький край. 2004. № 2. С. 101–112.
8. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1987. Т. 1: Курс русской истории, ч. 1. 430 с.
9. Антонович В.Б. О скальных пещерах на берегу Днестра в Подольской губернии // Труды VI Археологического съезда в Одессе: (1884 г.) Одесса: Тип. А. Шульце, 1886. Т. 1. С. 86–102.
10. Мельник В.М. Политико-антропологическое обоснование евразийской социальной интеграции: историографический скифо-сарматизм и географический детерминизм // Гипотеза / Hypothesis: научно-практический журнал. 2018. № 2 (3). С. 13–19.
11. Мозолевський Б.М. Етнічна географія Скіфії. Київ: Стародавній Світ, 2013. 168 с.
12. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Айрис-пресс, 2011. 736 с.
13. Гнатишина Л. Легенди і перекази про історію заснування Лядівського скельного монастиря // Вісник студентського наукового товариства інституту історії, етнології і права: до 100-річчя заснування ВДПУ ім. М. Коцюбинського. Вінниця: ВДПУ, 2011. Вип. X. С. 343–348.

14. Сварчевский А.В. Православное монашество Подолии IV – 30-е гг. XX века (исторические очерки – попытка анализа). Винница : ВЦИК, 2009. 56 с.
15. Мельник В.М. Оборонні укріплення міста Вінниці. Вінниця : Вінницька міська друкарня, 2015. 96 с.
16. Мельник В.М. Историко-юридичний нарис Аскольдової доби (860–882 pp.): торговельні шляхи і візантійський суверенітет // Вісник НТУУ «КПІ». Політологія. Соціологія. Право. 2018. Вип. 3 (39). С. 126–132.
17. Вернадский Г. Начертание русской истории. М. : Алгоритм, 2008. 336 с.
18. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. СПб. : Азбука, 2014. 480 с.
19. Стефановский В. Историко-статистическое описание с. Лядавы Могилёвского уезда // Подольские епархиальные ведомости. 1862. № 3. С. 97–108.
20. Келлер О.Б. Магдебургское право и другие формы городского права в крупных населенных пунктах Центрально-Восточной Европы: сравнительный налоговый анализ // Анналы юридичної історії. 2018. Т. 2, № 1-2. С. 38–62.
21. Петрушенко О.Ф., Мельник В.М. Міжнародні фактори української історії: геополітичний контекст та спроба використання візантійської спадщини наприкінці XVI ст. // Феномен Європи: проблеми державотворення : збірник матеріалів наукової конференції молодих вчених з міжнародною участю у Львівському національному університеті ім. І. Франка. Львів : Анналі юридичної історії, 2018. С. 16–20.
22. Антонович В.Б. Последние времена козачества на правой стороне Днепра // Антонович В.Б. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ : Либідь, 1995. С. 252–372.
23. Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи. М. : Русский фонд содействия науке и образованию, 2016. 664 с.
24. Антоноук Д. Чотирнадцять мандрівок Вінниччиною. Київ : Грані-Т, 2009. 104 с.
25. Терлюк І.Я. Український націогенез і козацтво в контексті формування української державної ідеї як національної (остання третина XVI – перша половина XVII ст.) // Анналі юридичної історії. 2018. Т. 2, № 1-2. С. 109–123.
26. Чайковский М.П. Днестровский каньон. Природоведческий очерк. Львов : Каменяр, 1981. 64 с.

References

1. Kokryatskiy, S. (2012) Tverdinya dukhu podil'skogo: z istorii Lyadovskogo skel'nogo monastirya – do yogo 1000-littya [Strength of the spirit of Podolia]. *Vinnits'kiy kray*. 4. pp. 130–139.
2. Melnyk, V.M. (2016) Teoretichna konstruktivna politichnoï antropologii [Theoretical Construction of the Political Anthropology]. *Gileya: naukoviy visnik*. 113(10). pp. 348–360.
3. Balandier, G. (2002) *Politichna antropologiya* [Political Anthropology]. Translated from French. Kyiv: Alterpres.
4. Davidenko, V.V. (2005) *Monastir* [The Monastery]. Vinnitsya: O. Vlasjuk.
5. Melnyk, V.I. (2009) Ti, shcho u skali sidyat' [Those that sit in the rock...]. *Ukraina Moloda*. 147. 13th August.
6. Palamarchuk, E. & Andrievskiy, I. (2007) *Zori Tripillya* [The Dawn of Trypillia]. Vinnitsya: Teza.
7. Davidenko, V.V. (2004) Vibir prepodobnogo Antoniya Pecherskogo [The choice of St. Anthony Pecherskiy]. *Vinnits'kiy kray*. 2. pp. 101–112.
8. Klyuchevskiy, V.O. (1987) *Sochineniya: v 9-ti tomakh* [Works: in 9 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
9. Antonovych, V.B. (1886) O skal'nykh peshcherakh na beregu Dnestra v' Podol'skoy gubernii [About the rock caves on the banks of the Dniester in the Podolsk province]. In: *Trudy VI Arkheologicheskago s'ezda v Odesse: (1884 g.)* [Proceedings of the 6th Archaeological Congress in Odessa: (1884)]. Vol. 1. Odessa: Tip. A. Shul'tse. T. 1. pp. 86–102.
10. Melnyk, V.M. (2018) Politiko-antropologicheskoe obosnovanie evraziyskoy sotsial'noy integratsii: istoriograficheskii skifo-sarmatism i geograficheskii determinizm [Political and anthropological justification of Eurasian social integration: Historiographic Skythian-Sarmatism and geographic determinism]. *Gipoteza – Hypothesis*. 2(3). pp. 13–19.
11. Mozolevskiy, B.M. (2013) *Etnichna geografiya Skifii* [The Ethnical Geography of Scythia]. Kyiv: Starodavnyi Svit.
12. Gumilev, L.N. (2011) *Drevnyaya Rus' i Velikaya Step'* [Ancient Rus and the Great Steppe]. Moscow: Ayris-press.
13. Gnatchina, L. (2011) Legendy i perekazy pro istoriyu zasnovannya Lyadivskogo skel'nogo monastirya [Legends about the History of the Foundation of the Ladawa Monastery]. *Visnik students'kogo naukovogo tovaristva institutu istorii, etnologii i prava: do 100-richehya zasnovannya VDPV im. M. Kotsyubyn'skogo*. 10. pp. 343–348.
14. Svarchevskiy, A.V. (2009) *Pravoslavnoe monashestvo Podolii IV – 30-e gg. XX veka (istoricheskie ocherki – popytka analiza)* [Orthodox monasticism of Podolia in the the 4th – 20th centuries]. Vinnitsya: VTsIK.
15. Melnyk, V.M. (2015) *Oboronni ukriplennya mista Vinnitsi* [The Fortifications of Vinnitsya]. Vinnitsya: Vinnits'ka mis'ka drukarnya.
16. Melnyk, V.M. (2018) Istoriko-yuridichnyi naris Askol'dovoï dobi (860–882 rr.): torgoveli shlyakhi i vizantiys'kiy suverenitet [The Legal History of the Askold Time (860–882): Trade and Byzantine suzerainty]. *Visnyk NTUU "KPI". Politologiya. Sotsiologiya. Pravo*. 3(39). pp. 126–132.
17. Vernadskiy, G. (2008) *Nachertanie russkoy istorii* [The History of Russia]. Moscow: Algoritm.
18. Gumilev, L.N. (2014) *V poiskakh vymyshlennogo tsarstva* [Searches for an Imaginary Kingdom]. St. Petersburg: Azbuka.
19. Stefanovskiy, V. (1862) Istoriko-statisticheskoe opisanie s. Lyadavy Mogilevskogo uезда [The historical and statistical description of the Ladawa village in Mogilev Uezd]. *Podol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 3. pp. 97–108.
20. Keller, O.B. (2018) Magdeburgskoe pravo i drugie formy gorodskogo prava v krupnykh naseleennykh punktakh Tsentral'no-Vostochnoy Evropy: sravnitel'nyy nalogovyy analiz [Magdeburg Law and Other Forms of Urban Law in Large Settlements in Central and Eastern Europe: A Comparative Tax Analysis]. *Annali yuridichnoï istorii – The Annals of Legal History*. 2(1-2). pp. 38–62.
21. Petrusenko, O.F. & Melnyk, V.M. (2018) Mizhnarodni faktori ukrains'koï istorii: geopolitichnyi kontekst ta spoba vikoristannya vizantiys'koï spadshchiny naprikintsi XVI st. [International factors of Ukrainian history: the geopolitical context and the attempt to use the Byzantine heritage at the end of the 16th century]. In: Tarnavskiy, R.B. & Melnyk, V.M. (eds) *Fenomen Evropy: problemi derzhavotvorennya. Zbirnik materialiv naukovoi konferentsii molodikh vchenikh z mizhnarodnoyu uchastyu u Lviv'skomu natsional'nomu universiteti im. I. Franka*. Lviv: Annali yuridichnoï istorii. pp. 16–20.
22. Antonovich, V.B. (1995) Poslednie vremena kozachestva na pravoy storone Dnepra [The Last Period of the Cossack's on the Right Bank of the Dniipro]. In: Antonovich, V.B. *Moya spovid'. Vybriani istorichni ta publitsistichni tvori*. Kyiv: Lybid. pp. 252–372.
23. Lutvack, E.N. (2016) *Strategiya Vizantiyskoy imperii* [The Global Strategy of Byzantine Empire]. Moscow: Russian Fund for Assistance to Science and Education.
24. Antonyuk, D. (2009) *Chotirnadtsyat' mandrivok Vinnichchinoyu* [Fourteen Routes in the Vinnitsia region]. Kyiv: [s.n.].
25. Terlyuk I.Ya. (2018) Ukrain'skiy natsiogenez i kozatstvo v konteksti formuvannya ukrains'koï derzhavnoi ideï yak natsional'noi (ostannya tretina XVI – persha polovina XVII st.) [Ukrainian National Genesis and the Cossack's in the Context of the Ukrainian State-National Idea (the 16th – 17th centuries)]. *Annali yuridichnoï istorii – The Annals of Legal History*. 2(1-2). pp. 109–123.
26. Chaykovskiy, M.P. (1981) *Dnestrovskiy kan'on. Prirodovedcheskiy ocherk* [The Dniester Canyon. Natural Science Essay]. Lviv: Kamenyar.

Сведения об авторе:

Мельник Виктор Мирославович – кандидат политических наук, ассистент кафедры политологии философского факультета Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Киев, Украина); преподаватель кафедры философии и обще-

ственных наук Винницкого национального медицинского университета им. Николая Пирогова (Винница, Украина); главный редактор научного журнала «Анналы юридической истории» (Украина). E-mail: melnyk1996ethnology@gmail.com

Information about the author:

Melnyk V.M. – PhD in Political Science, Assistant Professor, Department of Political Science, Taras Shevchenko National University of Kyiv (Kyiv, Ukraine); Lecturer, Department of Philosophy and Social Science, National Pirogov Memorial Medical University (Vinnytsya, Ukraine); Editor-in-Chief, Quarterly “The Annals of Legal History” (Ukraine). E-mail: melnyk1996ethnology@gmail.com

Статья поступила в редакцию 19.03.2019; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 19.03.2019; accepted for publication 22.02.2022